

КАКИМ БЫЛО ЗНАМЯ СВ. ДМИТРИЯ ДОНСКОГО?

1. Гипотезы о красном и черном знамени Дмитрия Донского.

В 1380 г. произошла знаменитая Куликовская битва, в которой русские войска под водительством московского великого князя Дмитрия Ивановича, впоследствии прозванного Донским, а в XX в. канонизированного, разгромили ордынцев, возглавляемых Мамаем. С этого начинается отсчет времени по избавлению нашего отечества от иноземной зависимости. Победа русских войск на Куликовом поле привлекает внимание современников как немногие другие события средневековой истории. Некоторые факты сражения связываются с историей национальных реликвий, например, знамени.

Гипотеза о «черном» (красном) знамени Дмитрия Донского принадлежит П.П. Савваитову (1896 г.): «Знамя великого князя Дмитрия Ивановича Донского, в славной Куликовской битве, было чермное (= червленое, а не черное)» (1, с. 134). В 1907-1910 гг. работала специальная комиссия, имевшая целью исследовать вопрос о цвете знамени. Комиссия не пришла к единому мнению, хотя часть ученых высказалась за черный цвет (Д.А. Самоквасов и др.) (2, с. 315). Сторонником «черного», т.е. червленого (багряного), цвета знамени был Ю.В. Арсеньев (3, с. 144). В современной историографии нет единого мнения об облике великокняжеского знамени, хотя, например, акад. М.Н. Тихомиров считал, что оно было черным (2, с. 315). Две противоположных точки зрения по этому вопросу отразил недавно (1997 г.) В.А. Артамонов. Опираясь на работу Ю.В. Арсеньева, изданную в 1911 г. (3, с. 129-167), он заключил, что знамя представляло собой «образ нерукотворного Спаса на багряном стяге... Этот стяг был не черного, как ошибочно записали некоторые летописцы... и вслед за ними считала часть историков, а «чермного», т.е. багряно-красного цвета» (4, с. 409).

Действительно, летописцы иногда ошибались, и слова «черный» и «чермный», отличающиеся всего одной буквой, могли быть спутаны. Следует тщательно разобраться в этом вопросе на конкретной основе древнерусских исторических источников, а не довольствоваться предположениями. Тем более, что после старой работы Ю.В. Арсеньева очень много сделано по разысканию и изучению средневековых произведений Куликовского цикла. Их условно можно поделить на три категории. К первой относятся летописные статьи, древнейшие из которых возникли по следам Куликовской битвы. Ко второй принадлежит «Задонщина» - поэтическое описание Куликовской победы, сделанное, как считают, не позже 1392 г. (5, с. 347). К третьей - художественное произведение - «Сказание о Мамаевом побоище». Недавнее исследование Б.М. Клосса устанавливает, что «Сказание» было написано епископом Митрофаном Коломенским в

1513-1518 гг. (6, с. 253-262). В летописных статьях и «Задонщине» отсутствуют данные о знамени Дмитрия Донского.

2. «Сказание о Мамаевом побоище» о черных знаменах Куликовского сражения.

О черных знаменах неоднократно говорит автор «Сказания». Первый раз в описании смотра, данного Дмитрием Ивановичем русским полкам перед боем, построившимся со знаменами. Выехав на высокое место, великий князь сошел с коня, пал ниц (вариант - встал на колени (7, с. 14) перед изображением Христа «черному знамени» великого полка и стал во всеуслышанье молить Бога, Богородицу и Св. Петра¹ о заступничестве в предстоящей битве (9, с. 169). О черном знамени упоминается и далее, когда Дмитрий Иванович закончил смотр войск «и прииде под свое знамение (разночтения по другим спискам: знаме, знамя) черное». Отдав свою одежду и коня боярину М.А. Бренкову, великий князь «то знамя (вариант - «черное знамя» (7, с. 15) повеле рынде своему над ним (М.А. Бренковым - Р.С.) возвысити (разночтение - возити)» (9, с. 174). Последний раз черное знамя фигурирует в рассказе о поисках раненого Дмитрия Ивановича его двоюродным братом, серпуховским князем Владимиром Андреевичем, который «ста на костех под черным знаменем и не обрете брата своего великого князя в полку» (9, с. 182).

Из текста «Сказания» следует, что черных знамен было два - полковое и великого князя. Изображение Иисуса находилось на полковом знамени. Неизвестно, было ли аналогичное изображение на знамени Дмитрия Ивановича: оно могло, например, иметь на себе крест. Мнение В.А. Артамонова, что это знамя содержало образ Нерукотворного Спаса не подтверждается текстом «Сказания». Здесь лишь говорится, что на полковом знамени имелся «образ владыки нашего Христа» (9, с. 169), причем не указывается - в какой именно иконографии. Кроме иконографии Нерукотворного Спаса, Христос на русских знаменах XVII в. имел, например, «образ Спасов Иммануила», на что ссылается сам же В.А. Артамонов (4, с. 413).

Сторонники красного знамени у Дмитрия Донского аргументировали свое мнение тем, «что в протогафе было написано «чер(м)ное», т.е. красное; выносное надстрочное М было потеряно последующими переписчиками. Однако ни в списках, привлеченных к изданию «Полного собрания русских летописей», ни в одной из редакций «Повести о Куликовской битве» нет такого разночтения» (2, с. 315).

В настоящее время «Сказание» известно более, чем в 150 списках XVI и последующих веков (в 10 различных редакциях). Следовательно, слова о цвете знамени, повторяются во всех списках произведения около 450 раз. Ученые отмечают, что в самых древних текстах цвет знамени черный: «Судя по старинным спискам и редакциям «Сказания», стяг этот был черного цвета» (9, с. 216). Как мне любезно сообщил в приватной беседе редактор последнего издания (9) В.А. Кучкин, только в более поздних пере-

делках «Сказания» в характеристике цвета знамени встречается слово «чермный». По мнению В.А. Кучкина, данные о черном цвете знамени надо связывать с воинскими реалиями того времени, когда было написано «Сказание». Тогда знаменем отмечалось место дислокации и перемещение воинских подразделений и военачальников. Во время боя воины могли оказаться в разных местах поля, на котором происходило сражение. Высоко поднятые знамена служили ориентиром их сбора по подразделениям после боя. Указанное мнение согласуется с данными военной историографии. Знамена «во время сражения следовали за движением полков, и возились за князьями, или за воеводами, начальствовавшими полками... Стяги строились так, что стяг одного князя, или стяг одного полка, можно было всегда, даже издали, распознать между стягами других князей, или других полков» (10, с. 17).

В этом качестве знамя должно было быть контрастным: бледная расцветка делала его недостаточно заметным издали. Знамя темного контрастного цвета могло применяться великим князем и его главным («великим») полком. «Сказание» это отражает и подтверждает.

Знамя выполняло и другие функции. В историографии подчеркивается, как первоочередная, роль знамени для поднятия воинского духа: «Смысл знамени состоял в том, чтобы прежде всего внушить уверенность в победе: на стороне русского земного воинства - Воинство Небесное» (4, с. 412). Из текста «Сказания» следует, что вдохновляющую роль играло не само знамя, а изображение Христа на нем. Великий князь свою молитву о победе адресовал изображенному на знамени Богу и его святым угодникам. А для ориентира в военной обстановке не имел особого значения рисунок на знамени, первостепенную роль здесь играла, как отмечалось, контрастность цвета.

Как мне любезно сообщил А.А. Турилов, использование русскими темных контрастных знамен может отражать знаменитая икона «Битва новгородцев с суздальцами». Она была создана в Новгороде в 60-80 гг. XV в., и в настоящее время находится в Новгородском музее-заповеднике (11, с. 351). На иконе и ее копии кон. XV в. (хранящейся в Третьяковской галерее, Москва) в каждом из противостоящих войск изображено по два темно-коричневых (с прозеленью) знамени глухого колера, на знаменах изображен восьмиконечный крест (где его можно рассмотреть) (12, табл. 51, 53, 60, 62, 63).

3. Данные о черных знаменах в контексте восприятия синего и фиолетового цветов как черного.

Важное значение имеют письменные памятники типа делопроизводственных документов, в которых описываются средневековые русские знамена с указанием их цвета. Такой текст был опубликован в 1912 г. А. Успенским по столбцам архива Оружейной палаты: «Память от 24 апреля 1619 года, по ставам скрепленная диаком Михаилом Даниловым, в Ка-

зенный приказ о знаменах, посланных на Казенный двор. 6 сставов... Роспись знамянам, что деланы в Ярославле... - Знамя черное, делано клином; в середках крест черные тафты, по-сторонь два клина белых, опушка червчата... - Знамя черно, на нем выбит золотом орел одноглавой, продрано в бою с литовскими людьми, опушка зеленая... - Знамя тафта чорая, на нем крест с херувимами да солнце да луна выбито серебром, не обделано; - Знамя черное-ж, на нем крест с подписью выбит серебром, без опушки. - Знамя черное-ж, на нем орел выбит серебром, не обделано-ж». Всего указано 22 Ярославских знамени, из них «черных» - 5, т.е. почти четверть; остальные были: лазоревыми² зелеными, пестрыми, алыми, желтыми, белыми, вишневыми (14, с. 112-113). Частично эту информацию о черных знаменах позднее воспроизвел П.П. Елифанов (15, с. 312). Среди знамен нет ни синего, ни фиолетового. Не исключено, что словом «черный» обозначены и эти цвета.

Известно, что в древнерусском и других языках «синий и черный обозначаются одним словом... Часто в этом случае указывается на древнерусское сравнение «синя как сажа», на суц. «синьць» - «эфиоп», «дьявол» (16, с. 4). По Павлу Флоренскому, «когда мы говорим, что видим фиолетовый цвет или лазурь небосвода, то мы видим тьму, абсолютную тьму пустоты» (17, с. 15). По данным В.В. Бычкова, в русском иконописании черный цвет «вынуждены или заменять темно-синим и темно-коричневым, или корректировать его семантику сине-голубыми бликами. С этим, в частности, можно связать появление на русских иконах синеватых и даже голубых коней вместо черных» (18, с. 134).

В современном русском не отождествляется синий и фиолетовый цвета с черным, но следы этого сохраняются в толковании слова «вороненый»³, которое принято понимать как обозначающее черный цвет «с синеватым отливом» или «иссиня-черный» (20, с. 20). В других языках также цвета синих тонов могут отождествляться с черным. Ф.Н. Шемакин отмечал, что «наиболее темная часть синих тонов... может быть по-ненецки названа **параденя** - черный. Это подтверждает наблюдение [М.А.] Кастрена (1860 г. - Р.С.), что ненцы иногда называют синий цвет - черным» (21, с. 56). На аналогичное явление в фарси обратил внимание А.М. Панченко: «На фарси «к'ябуд» - «зеленый», «голубой», «синий», а также иногда и «черный» (у персидского поэта XII в. Манучери эпитетом «к'ябуд» обозначен цвет траура)» (16, с. 4)⁴.

Среди сохранившихся знамен Оружейной палаты отсутствуют черные (любезно сообщено М.П. Головановой, Музеи Московского Кремля). В историографии сообщается, что полотнище одного стрелецкого знамени делилось прямым крестом на четверти, которые якобы «делались из черной материи» (22, с. 383). Однако в действительности у этого знамени черными были только две четверти, а две другие - красными. Кроме того, оно было достаточно поздним - Петровской поры (23, с. 65). Возможно, сплошь черных по цвету знамен Русь не знала, а таковыми, т.е. под названием «черных» («черных»), выступали синие и фиолетовые.

4. Летописная запись об осаде Казани 1552 г. и стяг Дмитрия Донского.

Важное свидетельство о стяге Дмитрия Донского содержит летописная запись об осаде Казани в 1552 г. Иваном Грозным: «И как государь вышел на луг против города, и велел государь херугви христианские развертити, сиречь знамя, на них образ Господа нашего Иисуса Христа Нерукотворенный, и наверх водружен животворящий крест, иже бе у прародителя его, государя нашего, достохвалнаго великаго князя Дмитриа на Дону» (7, вклейка между стр. 18 и 19), (24, с. 499).

Ю.В. Арсеньев ошибочно считал, что все атрибуты стяга, используемого Иваном Грозным при осаде Казани в 1552 г., имелись уже на знамени Дмитрия Донского, якобы «сохранившегося до наших дней. Хотя оно и было значительно обновлено в конце XVII века, однако с полным сохранением его цвета и первоначального вида, о чем свидетельствуют старинные описи Оружейной палаты, где оно и сохраняется» (3, с. 144-145).

Это мнение основано на неверном прочтении воспроизведенной выше летописной записи. Так, П.П. Епифанов на нее ссылается, начиная со слов «иже бе у прародителя», заключая: «Знамя победителя татар на Куликовом поле напоминало воинам о вековой борьбе против ига золотоордынских ханов» (15, с.310). Однако «Иже бе («который был») характеризует мужской род, единственное число, именительный падеж и поэтому относится к слову «крест», а не к словам «знамя» (средний род) или «Спас и крест» (множ. число)⁵, см. табл. Правильный перевод не дает оснований считать, что Иван Грозный использовал под Казанью в 1552 г. знамя Дмитрия Донского.

Предмет речи	Местоимение	«иже бе»	Оценка
Крест	он	«который был» (!)	верно
Знамя	оно	«который был» (?)	неверно
Спас и крест	они	«который был» (?)	неверно

Суждение Ю.В. Арсеньева о сохранении Куликовского облика знамени Ивана Грозного 1552 г. при его реставрации в конце XVII в. также не подтверждается выписками из старинных описей, которые он приводит:

1. «Знамя, а на нем писан Нерукотворенный Образ Господень на обеих сторонах по червчатой тафте» (из описи царской оружейной казны 1638 г., № 3). 2. «Знамя, на нем шито Нерукотворенный Образ Господа нашего Иисуса Христа с херувимы и серафимы, шито золотом, вшивано в алую тафту, на конце побилось, бывает пред великим Государем в походах» (из описи 1675 г.). 3. «Знамя большое, образ Спасов Еммануила, вшивное перешить в новую китайскую камку и обшить новую же бахромою золотую» (из актов 1686 г.). 4. «Дано из их великих Государей самодержавных рук большое полковое знамя, писано по камке лудатной червчатой, вшит образ Спаса, бахрома золото пряденое (из царской грамоты 1687 г.)» (3, с. 145).

Воспроизведенные старинные записи свидетельствуют о различном иконографическом облике Христа на знаменах. Нерукотворный Спас соответствует образу Иисуса Христа с бородой, а «Спасов Еммануила» - младенческому. Тексты описаний также не совпадают. Значит, приводящиеся Ю.В. Арсеньевым выписки говорят не о каком-то одном, а о нескольких красных знаменах. В летописном известии об осаде Казани 1552 г. не отражен цвет знамени. Описи знамен Оружейной палаты относятся ко времени спустя много десятилетий после завоевания Казани. В них могла идти речь о красных полковых знаменах Казанского похода. Как в 4-й выписке 1687 г., так и в позднейшем описании красного знамени 1552 г., хранящегося в Оружейной палате, прямо указывается, что оно было полковым: «Когда именно построено это знамя положительных сведений не сохранилось, известно только, что оно во время второго казанского похода царя Ивана Васильевича, в 1552 году, служило, как полковое знамя, в гусдаревом полку» (25, с. 3).

М.П. Голованова охарактеризовала (по моей просьбе) сегодняшнюю сохранившуюся в Музеях Кремля копию знамени 1552 г. красного цвета как памятник кон. XVII в. (по шитью), с более ранним образом Христа (кон. XVI в.).

5. Орифламма Ивана Грозного.

Летописная запись о знамени 1552 г. содержит данные, которые более точно позволяют охарактеризовать его статус. Царь сам стоял во главе осады Казани, и перед штурмом повелел «херугви христианские развертяти, сиречь знамя». В вексиллологии такое знамя именуется «орифламмой»: «Сакрально-монархический смысл орифламмы выражался среди прочего в том, что она разворачивалась перед войском в тех случаях, когда война велась против врагов христианства или всего королевства и во главе похода стоял сам монарх» (26, с. 465).

Запись об орифламме Ивана Грозного приводится в Лицевом летописном своде (Царственная книга) и иллюстрируется миниатюрой, на которой изображено раздвоенное белое (незакрашенное) полотнище с изображением Нерукотворного Спаса и восьмиконечного креста над ним (7, с. 19 и вклейка между с. 18 и 19). Облик знамени соответствует летописному описанию и отличается от других описаний знамен Казанского похода 1552 г. тем, что в них отсутствует упоминание о кресте, а цвет называется красным (когда упоминается). Лицевой летописный свод составлялся по заказу Ивана Грозного вскоре после похода на Казань, поэтому к летописной записи об орифламме и к ее изображению на миниатюре можно относиться с доверием.

Психологическое неприятие белой орифламмы Грозного может быть связано с буквальным переводом слова «орифламма» как «золотое пламя» (от лат. aurea flamma). Действительно, первоначальная орифламма Карла Великого была алой, но у Капетингов (кон. X в.) она стала белой (26, с. 465). Вероятно, белая орифламма Ивана Грозного повторяет цвет

знамени его отца Василия III: «Знамя великого князя Василия Ивановича было белое, с изображением Иисуса Навина» (10, с. 17). Известны и другие знамена Ивана Грозного светлых тонов. Таким Н.Г. Николаев описывает царское знамя 1560 г.: между древком и откосом оно было лазоревого (голубого) цвета, откос - сахарного (бланжевого) цвета (7, с. 20).

Итак, мнение о красной орифламме, развернутой Иваном Грозным под Казанью в 1552 г., основано на недоразумении. Она была, скорее всего, белой или светлых тонов. Столь же неверно, что Казанская орифламма повторяла стяг Св. Дмитрия Донского. Совпадающим в знаменах могло быть лишь изображение восьмиконечного креста.

Сведения о белой орифламме Ивана Грозного и кресте на ней из лицевого летописного свода XVI в. могли трансформироваться в изображение белого стяга Дмитрия Донского с крестом на миниатюрах лицевого «Сказания о Мамаевом побоище» XVII в. (27, л. 43-45, 73 об.). В историографии этот факт отмечался: «В лицевых рукописях XVII века знамя Дмитрия Донского изображалось белым, иногда обведенным красным контуром, с восьмиконечным русским крестом вместо Лица Спасителя» (4, с. 409).

6. Иерархия цветов у древнерусских художников.

Кроме белого, цвет знамени Дмитрия Донского на миниатюрах, иллюстрирующих «Сказание о Мамаевом побоище», бывает красным, иногда зеленым (2, с. 315). Этот факт необходимо соотносить с этикетно-символическим значением цвета, существовавшим у древнерусских художников. А.А. Амосов, специально изучавший этот вопрос, отмечал, что в Лицевом летописном своде герой Куликовского сражения великий князь Дмитрий Иванович в большинстве случаев выступает в одежде красного цвета, а его брат кн. Владимир Андреевич - желто-зеленого. Когда в ходе битвы Дмитрий Иванович был ранен, и руководство боем перешло к Владимиру Андреевичу, одежда последнего окрасилась в красный цвет. Как только Дмитрий Иванович вернулся к исполнению своих обязанностей, иерархия цветов в одежде князей стала изначальной: красная у Дмитрия и желто-зеленая у Владимира. «Думается, - умозаключал А.А. Амосов, - что этот момент - не случайный каприз иллюминатора (учитывая, в особенности, этикетные воззрения художников XVI в.). Здесь чувствуется стремление к цветовой акцентации внимания на главном персонаже повествования» (28, с. 245). Из этого следует, что красная и зеленая окраска знамени Дмитрия Ивановича на миниатюрах могла объясняться тем же - указанием на смену объективной роли великого князя в руководстве войском, а действительный цвет его знамени мог быть другим.

Цветовая иерархия в представлении художников Лицевого летописного свода XVI в. тем не менее не имела красный цвет в качестве высшего. По данным А.А. Амосова, «рассмотрение информации более чем тысячи миниатюр приводит к следующим выводам. Из всех возможных цветов в гла-

зах миниатюристов «старейшим» является синий (либо родственные ему цвета сине-фиолетовой зоны спектра в целом);... в синих плащах, как правило, появляются и посланцы божии ангелы. Из земных персонажей синий цвет является устойчивым атрибутом центрального лица, присутствуя в одеждах как обязательный элемент, либо укрывая их в сценах сакрального характера... Рассмотрение миниатюр начальной части Лицевого свода подтверждает приоритет красного цвета как первенствующего, но лишь при отсутствии в данной миниатюре синего в этикетно-символическом значении (28, с. 286).

7. Синее или сине-фиолетовое знамя Дмитрия Донского как «черное».

Исходя из указанных данных, можно предположить, что знамя Дмитрия Донского было синим или сине-фиолетовым и в соответствии с древнерусской традицией называлось «черным». Синее или сине-фиолетовое знамя отвечало высшей иерархии цветов, и указывало на сакральный характер Куликовской битвы, на божественную миссию Св. Дмитрия Донского, который лично шел на смерть и чудом ее избежал. Из «Сказания о Мамаевом побоище» следует, что только заступничество небесных сил обеспечило победу русским ценой невероятных потерь (погибло 5/6 состава войска)⁶. Учтя, что по христианским понятиям, «черный - краска скорби, смерти или покоя» (29, с. 798), можно заключить: синее или сине-фиолетовое («черное») знамя Дмитрия Донского символизировало не только божественную предопределенность русской победы на Куликовом поле, но и скорбь по погибшим воинам,

В последнее время наметился отход от прежней оценки борьбы против монголо-татарского рабства, как возникшей едва ли не одновременно с самим нашествием. Как отмечает, в частности, В.Н. Рудаков, в древнерусских произведениях середины XIII - первой четверти XIV вв. отсутствует единое мнение о необходимости активного противостояния агрессору. Наиболее типичной была мысль о смирении перед лицом насилия, об избавлении от грехов путем покаяния. Только после Куликовской победы 1380 г., с конца XIV-XV вв. в общественном сознании утверждается представление о нелегитимности ордынской власти над Русью, о праведности и безусловной необходимости борьбы за освобождение (30, с. 20-22). В этом свете Куликовская победа - это не просто величайший ратный подвиг, но эпохальное событие, перестроившее древнерусское общественное сознание. Понять и осознать значение Куликовской битвы в таком контексте было призвано «Сказание о Мамаевом побоище», в котором высшее в иерархии цветов синее или сине-фиолетовое («черное») знамя Дмитрия Донского выступает важной метафорой, характеризующей провиденциальность победы над ордынцами.

Каким же было в действительности знамя Дмитрия Ивановича в период Куликовской битвы 1380 г., т.е. примерно за 130 лет до его описания

как «черного» в «Сказании»? Пролить на этот вопрос определенный свет позволяет сочинение неизвестного испанского монаха-францисканца из Севильи, написанное в середине XIV в. Это произведение сохранилось в списках XV в. и опубликовано в итальянском и английском переводах. В нем рассказывается о путешествиях автора по множеству стран и описываются их эмблемы. Г.И. Королев установил, что там речь идет также о знамени великого князя Московского, которого монах именует королем. На знамени было несколько звезд, цвет оно имело пурпуровый (в английском варианте) или темно-лиловый (в итальянском тексте) (31, с. 55). Пурпуровый это темно-багровый цвет, т.е. красный с синеватым или лиловым оттенком (32, т. 1, с. 55; т. 3, с. 559), лиловый (светло-фиолетовый), цвета сирени или фиалки (32, т. 2, с. 183), темно-лиловый, ближе к сине-фиолетовому. Общими в обоих случаях перевода являются синеватые, сине-фиолетовые цвета. В 1325-1340 гг. в Москве правил Иван Калита, в 1340-1353 гг. - Симеон Иванович Гордый, в 1353-1359 гг. - Иван Иванович Красный, в 1359-1389 гг. Дмитрий Донской. Если за середину XIV в. принять 20-летие 1340-1360 гг., то указанное сведение испанского анонима о флаге московского «короля» будет относиться к Симеону Гордому или Ивану Красному, т.е. к дяде или отцу Дмитрия Донского. Это знамя могло перейти к Дмитрию Ивановичу с заменой звезд восьмиконечным крестом, на нем присутствовали сине-фиолетовые тона.

Итак, наиболее вероятно, что у Дмитрия Ивановича Донского было родовое знамя его дяди или отца сине-фиолетового оттенка. Автор «Сказания» не отошел по существу от истины, именуя его «черным», т.к. в представлении древнерусских людей сине-фиолетовые тона могли восприниматься как черные. На именовании сине-фиолетового знамени «черным» могло сказаться стремление автора «Сказания» к метафорическому подчёркиванию божественного промысла воинского подвига, совершенного на Куликовом поле, и траура по погибшим в бою русским воинам.

Библиографический список

1. **Савваитов П.П.** Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенных. СПб., 1896.
2. Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры лицевого свода XVI века / Науч. ред. Д.С. Лихачев. Подгот. текста и перевод с древнерусск. О.П. Лихачевой. Л., 1984.
3. **Арсеньев Ю.В.** О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах древней России // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1911. № 3.
4. **Артамонов В.А.** Цвета и символы на стягах Руси княжеской и царской // Герб и флаг России. X-XX века / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов. М., 1997.
5. **Дмитриев Л.А.** Задонщина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Часть 1.

6. **Клосс Б.М.** Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // IN MEMORIAM: Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997.
7. **Николаев [Н.Г.]**. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. СПб., 1898.
8. **Прохоров Г.М.** Петр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I.
9. Памятники Куликовского цикла / Отв. ред. Б.А. Рыбаков, ред. В.А. Кучкин. СПб., 1998.
10. **Яковлев Л. [П.]** Русские старинные знамена. Ч. 1: Опыт исторического исследования о русских старинных знаменах // Древности Российского государства, дополнение к III Отделению. М., 1865.
11. **Дмитриев Л.А.** Сказание о битве новгородцев с суздальцами // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2.
12. **Лазарев В.Н.** Новгородская иконопись. М., 1969.
13. **Преображенский А.Г.** Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. 1-2.
14. **Успенский А.** Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. М., 1912. Вып. 1.
15. **Епифанов П.П.** Оружие и снаряжение // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 1.
16. **Панченко А.М.** О цвете в древней литературе восточных и южных славян // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Л., 1968. Т. 23.
17. **Флоренский П.** Небесные знамения (Размышления о символике цвета) // Маковец. М., 1922. № 2.
18. **Бычков В.В.** Эстетическое значение цвета в восточнохристианском искусстве // Вопросы истории и теории эстетики. М., 1975.
19. Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1976. Вып. 3.
20. **Шемякин Ф.Н.** К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия) // Мышление и речь. Труды института психологии. Известия Академии педагогических наук РСФСР. М., 1960. Вып. 113.
21. **Шемякин Ф.Н.** К проблеме словесных и чувственных обобщений (на материале названий цвета в ненецком и селькупском языках) // Там же.
22. **Вилинбахов Г.В.** «Зная есть священная хоругвь» // Герб и флаг России. X-XX вв. М., 1997.
23. Опись Московской оружейной палаты. М., 1884. Ч. III. Кн. 1.
24. Полное собрание русских летописей. СПб., 1906. Т. 13, вторая половина.
25. **Яковлев Л. [П.]** Русские старинные знамена. Ч. II: Подробная опись русских старинных знамен // Древности Российского государства, дополнение к III Отделению. М., 1865.
26. **Харитонович Д.Э.** Комментарии // Хейзинга И. Осень Средневековья / Отв.ред.С.С. Аверинцев. М., 1988.
27. Сказание о Мамаевом побоище. Лицевая рукопись XVII в. из собрания Гос. Исторического музея. М., 1980.
28. **Амосов А.А.** Лицевой летописный свод Ивана Грозного. М., 1998.

29. **Флоренский П.** Столп и утверждение истины. Опыт православной феодинции в двенадцати письмах. М., 1914.

30. **Рудаков В.Н.** Отображение монголо-татар в древнерусской литературе середины XIII-XV вв. (Эволюция представлений, сюжетов и образов). Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1999.

31. **Королев Г.И.** Гербы русских земель в географической энциклопедии XIV в. // Гербовед. 1999. № 4 (36). С. 53-57.

32. Словарь русского языка: в 4-х томах / Ин-т русского языка АН СССР. М., 1981. Т. 1; 1982. Т. 2; 1983. Т. 3.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь могла идти об апостоле Петре или о Св. Петре (ум. в 1326 г.), который был митрополитом всея Руси (с 1306 г.) и считался небесным покровителем Москвы от нападений «поганых» (2, с. 314), (8, с. 325-327).

² Лазоревый - голубой цвет (13, Т. 1. С. 430).

³ Вороненый - черный (19, с. 33).

⁴ Сходный случай в литовском, здесь kers - черный, но kerszulis - сизый голубь (13, т. 2, выпуск последний, с. 69). Сизый это серо-синий, серо-голубой; с синеватым оттенком (Словарь русского языка: в 4-х томах. М., 1984. Т. 4. С. 91). Значит, в этом случае черный отождествляется с цветом, имеющим синюю составляющую.

⁵ По древнерусским языковым нормам, если бы в летописной записи предметом речи было слово «знамя», то стояло «еже бе» (ср. род, ед. число, именит. падеж), если бы имели в виду оба изображения на знамени - Спас и крест - то было написано «яже беша» (множ. чис.). Выражаю свою признательность В.В. Иванову (Ин-т русского языка РАН) за соответствующую консультацию. Правильный перевод дал в середине XIX в. видный русский историк С.М. Соловьев: «Как вышел царь на луг против города, то велел развернуть свое знамя: на знамени был нерукотворный образ, а наверху - крест, который был у великого князя Дмитрия на Дону» (Соловьев С.М. Сочинения: в 18-ти книгах. М., 1989. Кн. 3. С. 452. *Выделено мною - Р.С.*).

⁶ «В «Сказании о Мамаевом побоище» (архетипном и авторском тексте) сосчитано число убитых на Куликовом поле русских воинов: 250 (или 253) тысяч. В живых, согласно этому источнику, осталось 50 тысяч» (Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории, 1980, № 8. С. 10). То есть погибло 5/6 состава русского войска.

⁷ Пурпуровая окраска знамени могла иметь темно-синий или почти черный оттенок. Об этом свидетельствует цвет византийского пергамента, покрытого пурпуром, «придавшим ему (пергаменту - Р.С.) темно-синий или почти черный оттенок» (Столярова Л.В. Из истории книжной культуры русского средневекового города (XI-XVIII вв.). М., 1999. С. 78).

* * *

Статья написана по материалам доклада, читанного 12 мая 1999 года на геральдическом семинаре в Московском Государственном историко-архивном институте РГГУ.